

ПРОЛОГ

*...в котором восхищение чарующей красотой
сводит с ума от ужаса*

Красота...

В душе каждого из нас прячется её эталон — особый, глубоко личный и абсолютно уникальный. Кто-то наслаждается изяществом прекрасных женщин, замечая подлинную красоту только в их совершенных формах и оставаясь равнодушным ко всему остальному; других привлекают тонкость изящного слога, завораживают полотна великих живописцев, изысканность скульптуры, гармония музыки и каменное величие архитектуры.

Мы видим красоту в разном и оцениваем на свой лад, но иногда... совсем не часто, конечно же — иногда... нам везёт натолкнуться на подлинное совершенство. На творения, чьё великолепие завораживает абсолютно. Лингийский собор Доброго Маркуса — самый большой олгеменический храм Герметикона, величие которого признают даже ненавидящие древнюю религию галаниты. Холм Девяти Героев на Верзи, который адигены¹ называют идеалом скульптурных композиций. Панорама «Последняя атака», описывающая легендарный бой, в ходе которого бамбальеро удалось отбить неистовый штурм Хозкунса и убедить Эдуарда Инезира предложить оставшимся в живых воинам почётное изгнание.

Но великолепные образцы искусства, случалось, меркли на фоне потрясающих творений самой Природы. Гран-

¹ Значение этого и других герметиконских терминов можно посмотреть в словаре.

диозные скалы «Три каскада» на далёкой Фраге, двойная Деригона, потрясающая немыслимой красотой, падающие реки Скрынды и... Близняшка, никогда не расстающаяся с Мартиной. Близняшка... гигантская луна, превращающая заурядную планету в невероятную. В одно из подлинных чудес Герметикона.

Потому что ни у одной из известных планет нет спутника, размеры которого сравнимы с самим обитаемым миром.

— Невероятно, — едва слышно произносит Галилей и восхищённо улыбается. — Как же ты прекрасна...

Нигде, ни в каком другом мире наступление темноты не превращается в грандиозную церемонию. Близняшка не появляется на небе — она захватывает его. Её колоссальный диск становится всё ярче и ярче, становится неспешно, но неотвратно, обретает резкость по мере того, как свету звезды приходится все жёстче драться с мраком Пустоты. И ночь на Мартине превращается в понятие отвлечённое, не имеющее никакого отношения к непроглядной тьме. Ночь на Мартине почти всегда — день.

Лунный день.

Неповторимый... невозможный нигде больше.

Близняшка так низко нависает над Мартиной, что её можно отчётливо разглядеть невооружённым взглядом. Огромные горы и глубокие кратеры, овраги, рассекающие каменистые равнины, и внезапные нагромождения скал. Можно разглядеть её безжизненность. И её тишину. Гигантский спутник кажется кошмарным отражением Мартины, мёртвым образом цветущего мира.

Близняшка восхищает и пугает.

И никто, абсолютно никто не способен сопротивляться её чарам.

— Я больше не хочу в сумасшедший дом, — шепчет сквозь сон Галилей. — Пожалуйста... не надо...

Он по-прежнему улыбается. Но из его закрытых глаз текут слёзы. Близняшка тянет, как Знак Пустоты, и противиться ей нет никакой возможности. И астролог не хо-

чет противиться, во всяком случае во сне. Он жадно рассматривает невероятную картину, наслаждаясь чудесным воспоминанием.

И дрожит от страха.

Он видит гигантский цеппель, медленно плывущий на фоне полной Близняшки, и ощущает себя стоящим на открытой палубе другого корабля, идущего параллельным курсом. Ощущает себя изумлённым, восторженным... и счастливым. Ощущает мир как жизнь, а Близняшку — только мрачным отражением, не имеющим отношения к реальности. Галилей улыбается себе тогдашнему и воет от тоски, потому что знает...

сейчас знает...

воет, потому что сейчас знает, что случилось тогда...

сейчас знает — во сне.

— Не делай этого, — шепчет астролог себе тогдашнему. — Никогда этого не делай. — И холодеет, наблюдая за тем, как идёт в астринг. — Не делай этого!

Галилей кричит, но там — во сне. Кричит себе, улыбающемуся, кричит тому восторженному дураку, который поднимается в астринг, кричит и воет... А из его закрытых глаз текут слёзы.

— Не делай этого!

Дверь в астринг закрывается.

И Галилей знает, что будет дальше.

Сейчас знает — во сне. И отчаянно кричит, заставляя себя проснуться.

А просыпаясь, помнит лишь одно — ему приснился кошмар, и оттого глаза его мокры от слёз. Помнит одно, ничего больше. Просыпаясь, он оставляет всё во сне.

Просыпаясь, Галилей переворачивается на спину, подкладывает под голову руку и смотрит в тёмный потолок. Потолок белый, но стоит глубокая ночь, и потолок тёмный. В спальне тихо, и ничто не мешает астрологу попытаться вспомнить, что же ему снилось. Он пытается, хотя знает, что ему будет страшно, но не может...

Не может уже много лет.

ГЛАВА 1

...в которой Бедокур и Мерса производят впечатление, Крачин становится преступником, Дорофеев готовится, Галилей боится, Помпилио слушает наставления, а дер Жи-Ноэль совершает прыжок на Пелеранию

— Сколько-сколько лет ты служишь? — переспросил Бедокур, добродушно разглядывая военного. Сверху вниз разглядывая, с высоты гигантского даже по меркам шифбетрибсмейстеров роста. — Сколько?

— Десять лет, — повторил военный. И нервно поёрзал, догадываясь, что одним вопросом здоровяк не ограничится.

И не ошибся.

— Десять лет... — протянул Чира, глядя на собеседника так пристально, словно каким-то образом узнал дату его рождения и теперь высчитывал ближайшее будущее с помощью всех восьмидесяти семи гороскопов, которые помнил наизусть. — И когда тебя перевели в артиллерию? Позавчера?

— С первого дня при орудиях! — военный попытался изобразить обиду, но не преуспел.

— Снаряды подносил?

— Что?!

— Просто спросил. — Чира пожал могучими плечами и приятно улыбнулся.

Оппонентом Бедокура выступал не рядовой пехотинец, а целый штаб-сержант, командир приданного испытателям

расчёта, человек, судя по нашивкам, заслуженный, авторитетный, однако как вести себя с Бедокуром, он понимал плохо, потому что, с одной стороны, перед ним возвышался пусть и здоровенный, но всё-таки механик, причём соответствующим образом одетый: штаны с накладными карманами, цепарские башмаки, майка и лёгкая летняя цапа. Но при этом не следовало забывать, что шифбтрибсмейстер — должность офицерская, рядового во главе инженерной службы цеппеля никто не поставит, то есть, несмотря на внешний вид и простоватое лицо, механик и по должности, и по званию стоял много выше штаб-сержанта. А последний, очень важный для осмысления ситуации пункт заключался в том, что второй главной обязанностью шифбтрибсмейстеров было непосредственное управление нижними чинами, собственно, поэтому при прочих равных капитаны предпочитали видеть на этой должности парней, с трудом проходящих в стандартные дверные проёмы. Чира Бедокур был именно таким, даже несколько больше, и несчастный штаб-сержант не сомневался в том, что при желании шифбтрибсмейстер «Пытливый амуша» с лёгкостью раскидает по округе и его расчёт, и приданное им в помощь отделение горных егерей.

Именно поэтому штаб-сержант заставил себя сдержать рвущиеся наружу ругательства и со всей возможной вежливостью ответить:

— Я уверен в своих словах, шиф: дистанция до цели — две с половиной лиги.

Несколько мгновений Бедокур внимательно разглядывал покрасневшего военного, по всей видимости решая, какую линию поведения выбрать, затем кивнул, мягко отодвинул штаб-сержанта от дальномера, проворчал:

— Приятно, что ты хоть в чём-то уверен. — Склонился над прибором, полностью заслонив его, поправил пару настроек, вздохнул и предложил: — Проверь.

Штаб-сержант молча посмотрел в окуляр, помолчал и тихо произнёс:

— Три.

Комментировать ответ шиф не стал, услышал вопрос Мерсы и повернулся к нему:

— Долетят? — поинтересовался алхимик, с сомнением разглядывая выставленные на направляющие ракеты.

— А куда они денутся? — удивился Бедокур. — Доле-
тят, конечно. Главное, чтобы твоя смесь взорвалась.

— Она не взрывается, а...

— Я имею в виду в полёте.

— Смесь не взрывается, — продолжил Мерса, привычный к тому, что его постоянно перебивают. — При ударе... э-э... происходит самовоспламенение...

— Главное, чтобы не в полёте, — повторил Чира.

— Главное, чтобы э-э... твои штуки вообще долетели.

— Всегда долетали.

— И ни разу... э-э... не загорелись в полёте.

— Вы, алхимики, такие зануды.

— Но...

— Короче, не взорвётся, я понял, — усмехнулся Бедокур и отвернулся.

Алхимик вздохнул и поправил очки.

Второй находящийся на позиции офицер не отличался ни ростом, ни сложением... вообще ничем не отличался и не выделялся, ну разве что носом — нос у Мерсы был большим, мясистым и полностью доминировал на тусклом, абсолютно незапоминающемся лице. Алхимик тоже предпочитал штатское — сюртук и шляпу, что особенно бесило штаб-сержанта, привыкшего к тому, что офицеры в обязательном порядке носили форму. Где погоны? Где нашивки? Где другие знаки различия? Как можно понять, кто перед тобой, если на нём сюртук или вообще цепарские шмотки? Зачем вводить людей в заблуждение?

Однако штаб-сержанту хватало ума прятать раздражение в себе и нехотя, но подчиняться странной парочке, которая должна была продемонстрировать высшим офицерам Лингийского флота новое и необыкновенно разрушительное оружие. Настолько новое и секретное, что со всех участников испытаний взяли дополнительное письменное

♦♦♦♦♦

обязательство о неразглашении. Хотя и так было понятно, что раз на полигон явился сам дар Антонио, владелец дарства Кахлес, дело действительно важное.

Но при этом оружие не произвело на штаб-сержанта особенного впечатления. Показалось странным и непонятным. И на взгляд артиллериста, несерьёзным. Ну как несерьёзным? Сами по себе уложенные на направляющие «ракеты» выглядели достойно: длинные, по четыре метра, трубы, снабжённые маленькими металлическими крыльями по бокам и на хвосте. Они, конечно, не могли соперничать с артиллерийскими снарядами, особенно большого калибра, которые прилагались к массивным орудиям — солидным и надёжным, одним своим видом внушающим уважение. Но тем не менее казались на что-то годными... Хотя... Что могут четырёхметровые трубки? Что они могут, если их испытатели вынуждены тщательно высчитывать расстояние до цели, опасаясь, что «ракета» не долетит и упадёт на землю.

Срам, короче, а не оружие.

Однако штаб-сержант благоразумно держал эти мысли при себе. И без охоты, но подчинялся странной паре, больше походящей на контрабандистов, чем на офицеров Астрологического флота. И если тихого алхимика ещё можно было с натяжкой причислить к приличным людям, то шумный, здоровенный шиф производил неизгладимое впечатление не только размерами, но и обилием всевозможных амулетов и оберегов. На широкой груди носил медальоны Доброго Маркуса, небесного покровителя Линги, и почитаемого всеми цепарями святого Хеша. С медальонами соседствовали амулеты: кривая раковина хансейских жриц Большого Фебула, усиливающая удачу обладателя на количество завитков, и редчайшая подъязыковая косточка лагорианской обезьяны Ким. А на мощных руках Бедокура позвякивали многочисленные браслеты-обереги.

— Помогают? — набравшись духу, спросил штаб-сержант, кивая на амулеты.

— Как видишь, до сих пор жив, — пожал могучими плечами Бедокур. После чего покосился на Мерсу и продолжил: — И пережил четырёх корабельных алхимиков, между прочим.

— Случайность, — отозвался тот, глядя на шиф-бетрибсмейстера хладнокровно.

— Они тоже не были уверены в своих смесях.

— Я уверен.

— Очень опасная смесь? — поинтересовался штаб-сержант.

— Цель видишь? — Бедокур кивнул на цеппель, о состоянии до которого они только что спорили.

— Вижу.

— Мы её сожжём.

— Шестью трубками? — не поверил штаб-сержант.

— Называй их ракетами, военный.

— Всего шестью?

— Больше не привезли, — притворно развёл руками Бедокур. — Придётся обойтись теми, что есть.

— Но как?

— Увидишь. И отвечая на предыдущий вопрос: да, смесь опасная, и если она тут расплескается, живым никто не уйдёт.

— Она расплескается только в том случае, если твоя ракета взорвётся на старте, — проворчал Мерса.

— Она обязательно взорвётся, — пообещал шиф. — Для того чтобы улететь.

— Ты ещё не делал ракету такого... э-э... размера.

— А ты сам сказал, что улучшил стартовую смесь. И теперь ей нет доверия.

Мерса махнул рукой, показывая, что не намерен продолжать спор.

— Всего шесть ракет? — повторил штаб-сержант. Он не был уверен, что у странных цепарей получится задуманное, но, почувствовав их уверенность, стал смотреть на ракеты другими глазами. Потому что шестью снарядами цеппель не уничтожить... ну, разве что при очень большой удаче.

— Да, шестью.

Штаб-сержант кивнул, показав, что услышал ответ, и перевёл взгляд на приговорённый к уничтожению доминатор. Старый корабль, давным-давно превращённый в мишень, и до которого, если верить дальномеру, было три полноценные лиги.

///

— Уничтожат? — не отрывая от глаз бинокль, спросил старый адмирал дер Чизипер, некогда начальник штаба Лингийского флота, дарство Кахлес, а ныне председатель Комитета по делам вооружений. В обязанности старика входила оценка перспективных образцов оружия, и потому он чаще остальных бывал на Каждальском полигоне.

— Уничтожат, — спокойно подтвердил Помпилио дер Даген Тур.

— Шестью металлическими трубками?

— Да.

Старик опустил бинокль и посмотрел на Помпилио.

— Сомнительно.

— Я тоже удивился, дядюшка. Но уже дважды видел ракеты в бою и знаю, что доминатор будет сожжён.

— Посмотрим.

— Увидишь.

Адмирал пожал плечами и перевёл взгляд на дара Антонио, тот тонко улыбнулся, но промолчал.

Наблюдать за испытаниями решили в привычно комфортной обстановке — с открытой палубы «Эрмизанской девы», флаг-яхты дара Кахлес, — на которой собралось примерно двадцать мужчин в повседневных военных мундирах, от командора и выше. Для их удобства цеппель поднялся на двести метров и развернулся так, чтобы приговорённый к уничтожению доминатор оказался в прямой видимости.

Появление на полигоне роскошной яхты — с бело-снежной «сигарой» и бордовой с золотом гондолой —

стало следствием предпринятых военной контрразведкой беспрецедентных мер секретности и безопасности: официально считалось, что дар Антонио пребывает с частным визитом в Даген Туре, а он не мог отправиться к любимому брату на крейсере. Дар действительно прибыл во владения Помпилио, пробыл в гостях полдня, после чего они собрались «на охоту» и вылетели на полигон. Примерно такие же меры конспирации были предприняты в отношении двух академиков и главы министерства промышленности. И только группа высших чинов Лингийского флота явилась в безводную Каждальскую степь открыто — на давным-давно запланированные учения, которые проходили сейчас в южной части гигантского полигона.

— Я слышал, с помощью этих ракет были уничтожены два галанитских крейсера?

— Официально те корабли не принадлежали Компании, — усмехнулся Помпилио.

— Не имеет значения.

— Согласен.

— Мы знаем, кто их послал.

— Именно!

Вражда с Компанией, старинная, уходящая корнями в далёкое прошлое, могла затихнуть, но не могла прекратиться. В своё время галаниты безжалостно вырезали все адигенские семьи на своей планете, прервав старинные династии и объявив себя «свободными от сословных предрассудков». То есть введя имущественный ценз в интересах разбогатевших простолюдинов. К новому цензу можно было относиться по-разному, спорить о преимуществах и недостатках, а вот жестокое истребление родственников адигены галанитам не забыли, забывать не собирались и потому каждое их поражение воспринимали с большим энтузиазмом.

— Галанитские крейсера были сбиты ракетами? — уточнил подошедший министр промышленности.

— Да, — подтвердил дер Даген Тур. — Один — с земли, как будет продемонстрировано сейчас, второй — с борта «Амуша».

— Ты рискнул разместить на «Амуше» столь опасное оружие?

Удивление имело под собой все основания, поскольку трепетная любовь Помпилио к своему исследовательскому рейдеру — официально самому быстрому в Герметиконе — была общеизвестна.

— В первый раз у Дорофеева не было другого выхода, кроме как разместить ракеты на корабле, — рассказал дер Даген Тур. — А во второй раз у нас уже появился достаточный опыт. К тому же у меня отличный алхимик.

— Если испытания пройдут так, как ты обещаешь, у тебя будет не только отличный, но ещё и очень богатый алхимик, — пообещал министр промышленности. — Мы не поскупимся.

— Жаль будет его потерять? — улыбнулся адмирал дер Чизипер.

— Мерса не уйдёт, — спокойно ответил Помпилио.

— Даже с такими деньгами?

— С такими деньгами тем более.

— Уверен?

— Абсолютно.

И спорить не имело смысла, поскольку Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был не просто адигеном, правителем по происхождению, но принадлежал к одной из древнейших лингийских, а значит, всего Герметикона, — династии даров Кахлес, ведущих свой род от Первых Царей. То есть разбирался в людях досконально.

Как и все Кахлеса, дер Даген Тур был абсолютно лыс и отличался заурядным сложением: чуть выше среднего роста, плотный, с короткими толстыми ногами и короткими толстыми руками, он, как и находящийся рядом брат, напоминал крестьянина, простолюдина, для смеха наряженного в офицерский мундир. Но стоило взглянуть